
Логика понятия в философии Гегеля (к материалистической апологии гегелевской философии)

© 2020 г. Г.В. Лобастов

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) – МАИ,
Москва, 125993, Волоколамское шоссе, д. 4.

E-mail: lobastov.g.v@yandex.ru

Поступила 07.05.2020

В статье проводится мысль о том, что привычная форма трактовки гегелевской философии как философии идеалистической представляет собой абстрактно-односторонний, заведомо неполный взгляд на систему этой философии. Автор показывает, что Гегель исходит из бытия в определении понятия и в выстраивании всеобщего образа логики начинает с бытия и завершает бытием, выраженным в понятии. Это делается на материале логических представлений Гегеля, в которых за логикой лежит историческая предметно-преобразовательная деятельность, с одной стороны, и историческая логика выявления мыслительных форм – с другой. Принцип тождества бытия и мышления, восходящий к Античности, указывает на необходимость видеть диалектику материального и идеального в историческом бытии, и понятие как знание сущности этого бытия выводится Гегелем только из бытия. Логика представляет собой движение понимающей способности от бытия к завершающей движение идее, которая и есть переход в бытие, где понятие осуществляет себя в реальности предметно-преобразовательной деятельности. В статье подчеркивается, что этот круг – привычная схема, наблюдаемая во всех формах человеческой деятельности. И Бог, трактуемый как идеальное начало, у Гегеля полностью совпадает с логическим процессом, выражающим движение содержания действительности. Автор стремится продемонстрировать, что недопустимо трактовать и оценивать философию Гегеля в привычных стереотипах мышления, разрывающих глубинный смысл ее последовательной логики.

Ключевые слова: логика, диалектика, противоречие, отрицательность, развитие, деятельность, Я, тождество бытия и мышления, материализм, идеализм, доказательство бытия Бога.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–8–181–192

Цитирование: Лобастов Г.В. Логика понятия в философии Гегеля (к материалистической апологии гегелевской философии). 2020. № 8. С. 181–192.

The Logic of Concept in Hegel's Philosophy (to the Materialistic Apology of Hegelian Philosophy)

© 2020 Guennady V. Lobastov

*Moscow Aviation Institute (National Research University),
4, Volokolamskoye Shosse, Moscow, 125993, Russian Federation.*

E-mail: lobastov.g.v@yandex.ru

Received 07.05.2020

The article conducts the thought that the usual form of interpreting Hegelian philosophy as idealistic philosophy is an abstractly one-sided, obviously incomplete, view of the system of this philosophy. The author shows that Hegel proceeds from being in the definition of a concept and in building of a universal image of logic, begins with being and ends with being expressed in the concept. This is based on Hegel's logical representations, in which behind the logic lies, on the one hand, the historical subject-transformative activity, and, on the other hand, the historical logic of identifying mental forms. The principle of the identity of being and thinking, dating back to antiquity, indicates the necessity to see the dialectics of the material and the ideal in historical being, and the concept as knowledge of the essence of this being is derived by Hegel only from being. Logic is the movement of an understanding ability from being to the idea, which is the transition to being, where the concept realizes itself in the reality of object-transformative activity. The article emphasizes that this circle is a usual scheme which can be observed in all forms of human activity. And God, interpreted as an ideal beginning, according to Hegel completely coincides with the logical process, which expresses the movement of the reality content. The author aims to demonstrate that it is unacceptable to regard and to evaluate Hegel's philosophy in the usual thinking stereotypes that break the deep meaning of its consistent logic.

Keywords: logic; dialectics; contradiction; negativity; development; activity; Self; the identity of being and thinking; materialism; idealism; proof of the existence of God.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-8-181-192

Citation: Lobastov, Guennady V. 'The Logic of Concept in Hegel's Philosophy (to the Materialistic Apology of Hegelian Philosophy)', *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2020), pp. 181-192.

Любая наука выходит за границу чувственно-доступного, наука логики этот выход осуществляет до абсолютных пределов. Диалектика Гегеля, как наука, выстраивает себя именно в этих пределах, – в пространстве «чистых» форм. В логике Гегеля представлена действительность как единое целое, связанное внутри себя сложнейшей диалектикой становления этой целостности – от бытия, не содержащего в себе более никакого определения, как чистой абстракции, доведенной до небытия бытия, – до завершенной его, бытия, формы, до формы абсолютной, снимающей и удерживающей собой и в себе все необходимые (то есть логические) определения становления этой формы. Внутренний логос бытия, закономерности его развития, в какой бы форме это бытие ни обнаруживалось, получает полное логическое воспроизведение.

Мышление порождает не мир в его реальности, а образ этого мира. Но через мыслящую способность, через понятие, выстраивающее картину действительности,

субъект осуществляет реальное преобразование этого мира. Порождает новый мир, или мир преобразованный, мир, которого вне мышления не может быть. В логическом выражении у Гегеля вся мировая действительность развернута от абстракции бытия до абсолютного понятия. Этот разворот мышления содержит в себе не только чистые абстрактные формы мышления в их простоте, но и их подвижное синтетическое единство. Необходимость любой мыслительной формы получает внутреннее логическое обоснование. Этот разворот Гегель и делает анализом бытия и сущности, предельно, в чистых формах представляя их внутренне-необходимую диалектику.

Потому Бог, мыслимый как начало и завершение бытия, полностью совпадает с логическим движением. Принцип тождества бытия и мышления находит здесь полное свое выражение. Абсолютная идея, развитие которой как раз и представлено логическим движением, есть внутренняя логика субстанции-субъекта, которая и представляется как Бог. В логике Гегеля, надо сказать, осуществлено то, над чем билось великие мыслители, начиная от Ансельма и Фомы, – осуществлено доказательство бытия Бога. Здесь абсолютное содержание бытия – и чувствуемое, и мыслимое – выражено в движении логической мысли. Тем самым Бог, абсолютное, представлен в логической форме, сведен к логическому. Что и отвечает требованию доказательства. Абсолютное получило форму логического выражения, абсолютно-истинного знания, представлено в форме абсолютной идеи, которая, по существу, уже не требует отношения веры, субстанция исчерпана логическим движением, а мышление показано как абсолютная способность понятия, то есть понимания. Ведь идея доказательства бытия Бога заключается именно в том, чтобы показать выразимость абсолютного в мысли, а тем самым – их тождество. Показать, что мысль достигает пределов бытия, что абсолютная истина дана (дается) в логической способности мышления. Бытие абсолютного, Бога, доказано, если оно выражено в мышлении, согласовано и совпало с движением мысли.

Все аргументы, выстраиваемые в ряду исторических попыток доказательства бытия абсолютной сущности, даже самый сильный – онтологический, – более всех прочих развивающий и удерживающий диалектику мысли, не достигают своей цели. Гегелевская же диалектика детально-подробным своим разворачиванием чистых форм мышления как раз и выражает «божественную идею» абсолютного. Идею, которая не над миром и не до мира (позиция, которую занимает сознание мыслителя), а внутри него – как его собственное определение и как форма его самоопределяемости. Тем самым Гегель показывает логическую идею как мировую субъектность, субстанция здесь выражена как субъект. А развивающееся в субъективной форме понятие – как мысль, снимающая бытие и сущность и одновременно выражающая их, бытия и сущности, внутреннюю логику. Потому и Бог тут оказывается тождественным логической идее.

Субъектность мысли – в божественно-мировом ее масштабе или только в форме индивидуального бытия – всегда была мыслима как позиция идеализма. Но у Гегеля понятие, принимающее на себя субъектность, вырастает силой необходимости из движения бытия и сущности. Иначе говоря, определено бытием. Объективная логика должна быть освоена и присвоена субъектом, потому понятие, по Гегелю, совпадает с субъектом, субъект действует внутри понятия как внутри действительности. И в той же мере оно совпадает с объектом, его сущностью.

«Система логики – это царство теней, мир простых сущностей, освобожденных от всякой чувственной конкретности. Изучение этой науки, длительное пребывание и работа в этом царстве теней есть абсолютная культура и дисциплина сознания... Но главным образом благодаря этому занятию мысль приобретает самостоятельность и независимость» [Гегель 1970⁶, 113]. Это – весьма лаконичный образ диалектической мысли, удерживающий ее смысл и объективное значение. Работа души исполнена «тенями» логических форм. Гегелевская же логика есть путь познания истины – путь ее к самой себе как истине абсолютной. Она – разгаданная тайна «Феноменологии духа», которая выводит сознание на понятие науки. И тем самым – науки логики. Гегель впервые понял логику как логику истории и выразил ее как мировое шествие объективного

духа, стягивающего пространственно-временные определения действительной истории в единство ее понятия. Ни Тойнби, ни Шпенглер, ни Данилевский, ни Гумилев, – вся линия «нелинейного» понимания истории осталась без понятия в истории, не увидев синтеза исторического процесса. Осталась без Гегеля и без Маркса, потому как мыслила не в формах чистой логики, а в обособленных определениях эмпирического содержания, в пространственно-временных образах «линии», «ненаправленности», «обособленности», «разделенности» и т.д.

Диалектическая логика Гегеля, выражая действительность, удерживает собой одновременно и образ ее чистых форм, и способ погружения этих форм в эмпирическое содержание. Ведь единство всеобщего, особенного и единичного, как моментов понятия, представляет собой не только познавательный-логический принцип, но и онтологическую форму бытия. Во внутренней взаимосвязи своих категорий эта логика определяет действительное место и переходящий характер того, что для грубо-рассудочного подхода выступает в однозначном определении формально-рассудочной логики. Снимаемая формальную логику, Гегель противоречие, якобы заключающее в себе абсурд, возводит в ранг центральной логической формы, через которую осуществляется развитие действительного содержания. Именно это обстоятельство вынуждает и саму истину мыслить как становление, снимающее в себе переходящие моменты объективного содержания.

Логика чистых форм есть логика универсальная. Она захватывает все пространство бытия – от возникновения до прехождения, и, поскольку она прослеживает становление и развитие реально-объективных форм, постольку она в своей устойчивости сохраняет одновременно универсально-пластичный характер – как аристотелевская форма форм. То есть как форма, не имеющая своей формы, и потому всегда определяющаяся через бытие. Тем самым она всегда оборачивается движением содержания. Поэтому она и может, без всякого субъективного «замутнения», представить объективность именно как объективность. Как объективную истину, находящую свои измерения в объективных же отношениях самой предметности. Истина, говорит Гегель, это соответствие предмета самому себе, соответствие вещи своему понятию.

Если начало конечной вещи предполагает вполне определенное бытие, представляющее собой ее предпосылки, задающие начало бытия новой формы, то в логике чистых, бесконечных форм такое начало нельзя объяснить предшествующей особенной формой бытия с ее особым объективным содержанием. Оно, это начало, должно быть бессодержательным, должно быть бытием, равным ничто. И Гегель тщательнейшим образом прорабатывает диалектику этих определений, создавая исходную абстракцию бытия, от которой логическое движение воссоздает полноту конкретного содержания. В этом и заключен так называемый метод познания от абстрактного к конкретному.

Эта универсальная форма выражает собой не только движение общественной истории, но и становление человеческой индивидуальности, и любой личностной способности. Любая человеческая функция, способность, содержит в себе всеобщий способ, позволяющий осуществить собственное движение согласно особенным определениям предмета этой функции. Человеческое Я есть далеко не просто самосознание, в своей действительности это есть «оединиченная» субстанция-субъект. Можно выразить так: в точности Я представлено логическое содержание абсолютной идеи, равной Богу. Я – это ничто, способное представить все. Здесь исходные категории чистого бытия и ничто обнаруживают себя во всей содержательной полноте. Я у Гегеля равно понятию, и свободно-творящая способность, присущая Я, выравнивает это Я с определениями Бога. Иначе: с определяющими характеристиками общественно-исторической культуры. Именно эти характеристики и снимает в себе Я личности.

Истина исторического разума, в противоположность логике, есть развивающийся процесс и потому свое полное выражение, соответствия своему понятию достигает только в абсолютной идее, а тем самым – в абсолютной свободе. Потому и смысл исторического процесса Гегель понимает как осознание понятия свободы. Его логика выражает именно это развитие, необходимую полноту этого исторического процесса,

или, что то же самое, процесс развития человека – до его идеальных форм, до его идеала. Идеала как необходимой и в своем существе завершенной (совершенной, абсолютной) формы человеческого осмысленного бытия. Человеческое бытие вне идеального содержания обесмысливается, поэтому проблема обоснования идеала, а потому и разумного бытия, всегда была и остается актуальной.

Отрицательный момент, который для формального мышления выступает простым абсолютным отрицанием, выводящим отрицаемое за рамки мышления, – гегелевская диалектика этот отрицательный момент удерживает в себе как необходимо присущий самому бытию, а потому и мышлению. Без отрицательности как необходимой категории мышления было бы невозможно выразить диалектику бытия и ничто – как абсолютного начала мышления. В его, мышления, собственном построении (выражении в науке логики) своей собственной формы. Совпадение мышления с формами реального бытия есть истина, и тождество бытия и мышления – это принцип истины. Мышление, претендующее на материализм, но отрицающее этот принцип, принцип истины, – такой материализм просто не ведает своих собственных заблуждений. Для такого материализма любая объективная форма, даже несущая в себе определение заблуждения, описываемая сознанием (наукой), предстает как форма истинная, поскольку сознание адекватно воспроизводит ее, эту ограниченную форму, в ее наличном бытии.

Потому там, где мышление не знает развития, его истина мыслится в простом совпадении сознания с предметом. Гегель же требует истину признать в отношении предмета к абсолютным формам его собственного бытия. Сугубо как объективно-предметное отношение, осуществляющееся и за пределами сознания. Этим и исключается субъективизм. И тем самым утверждается объективная истинность того, что может быть выражено, отражено, сознанием. Гегель первым осознал тот факт, что развернуть теоретические определения понятия возможно только через предварительный анализ той основы, из которой понятие происходит. «Объективная логика, рассматривающая бытие и сущность, – говорит он, – составляет поэтому, собственно говоря, генетическую экспозицию понятия» [Гегель 1972, 10]. Оно должно быть выведено, получено в качестве истины бытия и сущности, истины развивающейся и завершающей себя в абсолютной идее как форме адекватного понятия. И процесс этого выведения, то есть движение категорий логики, логической науки непосредственно совпадает с процессом познания. «В науке о понятии, – пишет Гегель, – его содержание и определение может быть подтверждено только посредством имманентной дедукции, содержащей его генезис...» [Там же, 16]. Выведение понятия, логическое разворачивание сущности бытия, поэтому есть не что иное, как процесс формирования понятия. И именно поэтому «там, где дело идет о мыслящем познании, нельзя начать с истины, потому что истина в качестве начала основана на одном лишь заверении, а мыслимая истина как таковая должна доказать себя мышлению» [Там же, 339].

Этот генезис как раз и осуществляет «Наука логики». В вульгарно-материалистических трактовках субъективности в качестве основания выдвигается объект. Однако объект как таковой, взятый в качестве принципа, проблемы не решает, поскольку он фиксируется лишь как абстрактная противоположность созерцанию. Кстати, Маркс именно это обстоятельство отмечает как главный недостаток всего предшествующего материализма. Поэтому, согласно К. Марксу, предмет должен быть понят не «в форме объекта, или в форме созерцания» (что по существу одно и то же), а «как чувственно-человеческая деятельность, практика», субъективно [Маркс 1974, 261]. Иначе говоря, предмет, действительность, из которой должен исходить материализм диалектический, не совпадает с абстрактно понятым объектом – это есть действительность, совпадающая с чувственно-предметной деятельностью человека, с его практикой, это объект, данный в формах общественно-исторической деятельности человека, то есть, по Марксу, «субъективно».

«Феноменология духа» Гегеля, прослеживая движение форм сознания, снимает труд – как сущность, лежащую за сферой сознания. Как философ, усматривающий предмет своего исследования во всеобщей и необходимой форме постигающего в понятиях

мышления, он абстрагирует этот предмет – мышление – от состава реальной действительности, живого, преобразующего форму предмета, труда и рассматривает его именно в этом абстрактном его бытии, в теоретическом мышлении, которое реально, в действительности имеет место только в науке. Действительная форма, обнаруживающая идеальное, – трудовая преобразовательная деятельность, – им оставлена за пределами «Науки логики», точнее сказать, оказалась, повторю, снятой «в своей истине» – в мышлении. Поэтому, согласно Гегелю, объект в своей истине совпадает лишь с определениями мышления в его диалектической форме. То есть в той самой форме, в которой сам этот объект и выражается.

По Марксу же, истинная природа объекта выявляется только в формах общественно-исторической предметно-преобразовательной деятельности человека. Объект, данный субъективно, – это и означает объект, как он выявлен в практической деятельности общественного человека. Но разве Гегель не о том же? Разве в его логике не представлено бытие и движение объекта? Если его логика имеет предметом мышление, то только такое мышление, которое отражает бытие в объективной закономерности его развития – от начала до конца. Разве не то же самое делает логическая мысль Маркса, выстраивая образ капиталистической эпохи, не с ее объективно-логического начала? Не методом от абстрактного к конкретному? Разве не от начала и до конца Маркс прорисовывает образ своего предмета, образ особой общественной формации? Гегель прорисовывает образ всеобщего метода и показывает, почему и как этот метод погружается в действительность, воспроизводя ее в образе. Маркс говорит, что этот метод, как форма субъективной деятельности, есть практический способ построения, творчества реального объекта. А разве у Гегеля понимающее понятие, «остановленное» в методе, не есть свойство, атрибутивное свойство самого субъекта? Разве не понятие несет у него полноту субъектности? Полноту именно потому, что оно выразило собой всю полноту субстанции, ее собственную субъектность.

В реальной деятельности выявляется внутренняя связь вещей объективного мира, та форма и способ их бытия, которые не даны чувственному созерцанию. Практика поэтому «объясняет» вещи, выявляет их чистые формы, но она же объясняет и логику познающего эти вещи мышления. Значит, понять понятие как логическую форму и как идеальную форму отражения действительности – это значит понять объективную предметную действительность в формах практики, в формах человеческой общественно-исторической деятельности, а не только в формах мысли. Но все дело в том, что мышление и есть не что иное, как форма этой деятельности. Только форма всеобщая и представленная через субъективную деятельность человека. Поэтому, мысля предмет, я воспроизвожу его в формах реальной деятельности, соотносенных и отождествленных с формами всеобщими, выраженными в науке логики. Иначе говоря, я обязан рассмотреть предметное содержание в его движении внутри практически-преобразовательной деятельности, где по необходимости любая вещь вынуждена проявлять свои сущностные силы и тем самым делать их доступными мыслящему созерцанию.

В деятельности осуществляется не только познание объективно-необходимых определений (характеристик) вещей, но обнаруживается и необходимость самого этого познавательного процесса. Развитие осуществляется силой необходимости, которая заключена в отрицательном отношении вещи к самой себе. Это отрицательное отношение имеет своей природой противоречие внутри сущностных определений. Отрицательность выступает моментом разрешения противоречия: противоречие вещи лежит в основании отрицательного отношения вещи к самой себе. А это обстоятельство – абстрактно-всеобщая форма, лежащая в основании понимания развития. Категория же снятия определяет направление этого развития. В этом развитии бытия, его саморазвитии, наступает момент «высвобождения» сущности из бытия и противоположение ее явлению. Переход через эту точку, как некий логический предел, у Гегеля и предстает как снятие сущности понятием. Причем это снятие в полном объеме втягивает в себя все развитые определения сущности. Сущность и понятие становятся тождественными.

В логическом выражении мышление и форма реальной деятельности совпадают. Реально, в эмпирии, они кажутся разделенными, и это разделение позволяет их рассматривать как абстрактно-противоположные моменты одного и того же процесса. Они, как моменты, не только предполагают друг друга, но и друг друга порождают: мышление определяет форму деятельности, а потому и ее продукт; а деятельность определяется своим предметом и ее форма формирует субъективную способность субъекта ее осуществления. Потому вопрос о первичности которого-либо из них решался в форме от полного их логического тождества (Парменид) до полного противопоставления (Декарт).

Это обстоятельство может быть понято только тогда, когда мышление, т.е. сознание, рассматривающее само себя как бытующее в действительности, сможет обнаружить свое собственное начало в бытии. Или, наоборот, вывести бытие из мышления. Но в какую бы сторону ни осуществлялась такая редукция философской мыслью, в реальной действительности «ежемоментно» осуществляется переход бытия в мышление и мышления в бытие. Здесь, в предметно-преобразовательной деятельности, это обстоятельство фиксируется как эмпирический факт – и не только как взаимный переход бытия и мышления, но и как их неразличенное тождество. В котором, как, например, в созерцании, вы не можете различить предмет и акт его восприятия. Момент этого тождества в истории философии доставил немало проблем. Не меньше проблем мы видим и на другом, объективном, полюсе, в продукте труда, где предметная определенность мысли неотличима от самого предмета. Или, скажем, неразличенность знака и смысла в языковом движении мышления.

Гегелевская же логика исследует чистую мысль и в логике этой мысли принципиально легко разрешает возникающие здесь для философии проблемы. И только потому, что эта логика выражает движение самой действительности, а любая форма движения есть перманентно разрешаемое противоречие его собственных объективных определений. Потому дело тут не останавливается на тождестве, ибо тождество как разрешенное противоречие снимает (удерживает) в себе противоположные моменты этого разрешенного противоречия. Снятие (как логическая форма) содержит в себе определение отрицания, но в нем содержится и момент положительного определения становящейся формы бытия. В этом – логические подробности проблемы движения, поставившей в тупик еще элейцев.

Чтобы идеальный образ возник, действие должно отличить себя от самого себя. Здесь начало сознания, здесь действующий субъект знает форму своего действия вне действия. Мышление тут должно быть понято как всеобщая объективная форма самого реально-деятельностного процесса, форма, удерживаемая субъективной способностью субъекта этой деятельности. Гегель и исследует проблему этого начала, именно как логическую проблему, диалектику чистого бытия и ничто.

Итак, собственная природа вещи, «чистая» ее форма или форма идеальная, обнаруживает себя в изменении вещей природного мира, в трудовой деятельности. «...В стихии бытия вообще, – говорит он, – множество потребностей; вещи, служащие их удовлетворению, перерабатываются, их всеобщая внутренняя возможность полагается как нечто внешнее, как форма» [Гегель 1970^а, 324]. Иначе говоря, в труде во внешней форме проявляется собственная природа вещи, ее внутренние определения или, по Гегелю, идеальное. «Я как абстрактному для-себя-бытию противостоит также его неорганическая природа как сущее; оно относится отрицательно к ней и снимает ее [в] единстве их обоих, но таким образом, что оно сначала формирует ее как свою самость, затем созерцает собственную форму» [Там же, 323].

Продукт труда, снятые в нем (им) определения природы представляют собой, иначе говоря, содержание человеческого Я. В этом продукте, результате своей деятельности, человек знает не только природу, но и самого себя как Я, как снятое единство объективных определений бытия. Собственная внутренняя природа вещей теперь положена трудом, предметно-преобразовательной деятельностью, уже не только в образе внешне существующей формы вещи, но и представлена в Я, по Гегелю, в понятии.

Но форма труда, проявившая идеальное, Гегелем снимается в обособленно-самостоятельном движении всеобщих идеальных форм как форм мышления, – что и представляет собой логику. Анализ этого действительного начала понятия, труда, остается у Гегеля в предпосылке собственно логического анализа понимающего мышления, – и уже логическое движение категорий предстает единственно истинным способом движения и развития понятия. Процесс логического разворачивания понятия движется в однородном «чистом» пространстве, чувственно-эмпирическое здесь снято, – подобно тому, как математика выстраивает свое «теоретическое тело» в чистых формах «бестелесности». И если в реальной действительности математическое мышление в субъективно-индивидуальной форме – весьма редкое явление, то, естественно, и логическая мысль, претендующая на чистоту и «гегелевскую божественность», – явление не менее редкое.

Движение логических категорий мышления есть объективное движение определений предмета этого понятия, а не просто абстрактное движение логических определений – всеобщего, особенного и единичного в форме суждения и умозаключения как оно выступает в субъективной логике. Понятие поэтому всегда объективно определено, содержание его есть содержание объекта, по Гегелю – бытия и сущности, а потому и та логическая форма, внутри которой оно обнаруживает свою самостоятельность, есть форма, объективная закономерность самой предметной действительности. Выразить предмет в понятии поэтому и означает воспроизвести его в его объективно-закономерном движении или, как это выражает Гегель, «осознать его понятие» [Гегель 1975, 352], поскольку объект «в его непосредственности есть понятие лишь в себе» [Там же, 385]. «Необходимость как таковая есть в себе соотносящее себя с собой понятие» [Там же, 416], «есть положенное в себе понятие» [Там же, 387].

В этом – глубочайший смысл гегелевского представления (понятия) о понятии. Объект имеет свое собственное объективно-закономерное движение. Категориальная форма этого движения не дана в его, объекта, непосредственном бытии, как не дано и его истинное содержание. Они представлены здесь лишь в себе. Снять непосредственность объекта можно лишь в предметно-преобразовательной деятельности, в рамках которой он обнаруживает свои сущностные, рефлексивные определения. То, что было в-себе, в деятельности становится формой для-себя-бытия, в которой «выступает определение идеальности» [Там же, 236]. Это идеальное вещи и проявляется, осознается в форме ее понятия. Поэтому «деятельность субъективного понятия должна рассматриваться... лишь как развитие того, что уже есть в объекте, потому что сам объект есть не что иное, как целокупность понятия» [Гегель 1972, 247].

Это тождество бытия и мышления, имеющее, кстати, место в любой философской концепции и проявляющее себя в форме «логического круга» взаимоотношений материального и идеального, у Гегеля выступает как сознательный теоретический принцип, вырастающий из понимания диалектики деятельности. «...Превращение данного материала в логические определения... есть полагание, которое столь же непосредственно определяет себя как предположение; поэтому благодаря моменту предположения логическое может казаться чем-то готовым в предмете, так же как благодаря моменту полагания оно может казаться продуктом чисто субъективной деятельности. Но отделить эти два момента друг от друга нельзя; логическое в своей абстрактной форме, в которую его выделяет анализ, несомненно, имеется лишь в познании, равно как и наоборот, оно не только нечто положенное, но и нечто в-себе-сущее» [Там же, 248].

Потому определения объекта, выявленные в общественно исторической практической деятельности, предстают как продукты этой деятельности. Воплощенные в формах человеческой культуры, эти определения есть определения, через которые удерживаются сущностные характеристики самой вещи – как она есть «в-себе». В отвлеченной форме они выступают как абстракции мышления, имеющие свое собственное, определенное общественно-исторической действительностью, содержательное движение в объективном процессе развития исторической культуры. Легко видеть, что эти

абстракции объективны. Эта объективность их представлена в материальной культурно-исторической предметности. То есть в форме чувственного наличного бытия. Именно эта общественно-историческая культурно-предметная действительность лежит в основе созерцания и мышления человека. Человек в предметах культуры созерцает и мыслит самого себя. А логика его мышления, взаимосвязь абстракций в составе мыслительной деятельности, получившей обособление в формах культурно-исторической деятельности, выражает собой объективную логику развития содержания исторической действительности.

Объективные определения вещи (ее свойства) обособляются не только в предметно-преобразовательной деятельности субъекта. Но и везде, где имеет место процесс объективного самодвижения, саморазвития. Свойство вещи определяет другую вещь к такому движению, каково оно само; оно тем самым полагает себя вне себя, в других вещах, – оно в них отражается. Бытие этого свойства в другом (в иной форме), однако остается одновременно и при себе. Эта объективная рефлексия выявляет все существенные определения вещи. Диалектика этих рефлексивных взаимоопределений подробнейшим образом выражена Гегелем в анализе им сущности [Гегель 1971^a].

Преобразованный объект, как он выступает в результате деятельности, является реализованным понятием. Поэтому ничего удивительного нет в утверждении Гегеля, что «все вещи суть умозаключения, нечто всеобщее, связанное через особенность с единичностью» [Гегель 1972, 112]. И сама реализация цели, то есть деятельность, по Гегелю, «является полным умозаключением» [Гегель 1971^б, 167].

В деятельности, реализующей цель, понятие получает выражение через свою противоположность – через объективное бытие предмета, продукта деятельности. Поскольку здесь, в результате (продукте) деятельности объективное отождествилось в формах деятельности и ее продукте с субъективным, объект представлен в субъективном, он совпадает с понятием; с другой стороны, продукт деятельности есть объективированное понятие. Но субъект (понятие) и объект сохраняют свою самостоятельность, субъективное всецело остается понятием субъекта, объективный предмет как продукт реальной деятельности остается объективной формой, не зависящей от субъективного понятия. Поэтому процесс отождествления в деятельности объективного с субъективным есть одновременно процесс противопоставления предмета и его понятия, причем каждый из полюсов представлен как единство, тождество субъективного и объективного. Гегель извлекает из этой реальной предметно-преобразовательной деятельности ее объективно-идеальные противопоставления и отождествления и в диалектике их рефлексивных определений логически удерживает сущность, сущность как определение самой действительности. Именно эта сущность и «светится» в понятии субъекта.

Тождество субъективного и объективного, таким образом, проявляется в двух формах: в форме чувственно преобразованного объекта и в форме понятия, субъекта. И обе формы в качестве результата снимают в себе свое становление – деятельность. Чувственно-предметная форма продукта деятельности в своей непосредственности является предметом чувственного созерцания, чувственность потому и становится человеческой чувственностью, что имеет дело с этим особым предметом, содержащим в себе субъективные и объективные определения общественно-исторической деятельности человека. Предметом же понятия являются определения сущности, которые задают ему, предмету, способ бытия внутри этой действительности.

Поскольку эти определения актуально наличны, развернуты во взаимосвязь лишь в формах общественно-исторической деятельности, постольку и в сознании они удерживаются в тех же формах. Понятие поэтому удерживает внутренние, сущностные определения предмета в логике всеобщих форм общественно-исторической деятельности, то есть во взаимосвязях всех логических категорий, выявленных человеческой практикой. Понятие есть «ставшее вполне свободным проявление сущности» [Гегель 1972, 25], субъект, бесконечная творческая форма, «которая заключает в самой себе всю полноту всякого содержания и служит вместе с тем его источником» [Гегель 1975, 342].

«В своем понятии он обладает всем существом объективного мира; его процесс состоит в полагании для себя конкретного содержания этого мира как тождественного с понятием и, наоборот, в полагании понятия – как тождественного с объективностью» [Гегель 1972, 242].

В понятии категории мысли свернуты (сняты), понятие выступает как результат (синтез) их движения в мышлении. Для этого мышление необходимо должно пройти сферу бытия и сущности, разлив полноту их определений, и снять их в понятии. «...Понятие содержит в самом себе как снятые все прежние определения мышления» [Гегель 1975, 341–342]. «...Оно содержит в самом себе в идеальном единстве бытие и сущность и, следовательно, все богатство этих двух сфер» [Там же, 342]. И если в практической деятельности понятие обнаруживается через адекватный способ деятельности с предметом, то в идеальной деятельности мышления оно обнаруживает и фиксирует себя в форме теории, в способе ее разворачивания, – разворачивания, адекватной объективной форме бытия и развития предмета. Иными словами, форма понятия выражает себя в методе.

Не будучи способно преодолеть объективно-сущностные свойства объективного мира, и по необходимости выстраивая свое мыслящее движение по этим объективным определениям предмета, понятие вынуждено примириться с действительностью и понятие последнюю как свое собственное предельное. А понятие себя – как развивающееся понятие вместе с развитием этой действительности. Ибо понятие воспроизводит лишь то, что есть, действительность. Логический же предел понимающей способности – полнота выражения ее собственных определений, определений всеобщих и абсолютных, определений мышления в его теоретическом выражении – в науке логики. Потому здесь оно и завершение свое имеет в абсолютной идее. Идея – всеобщая форма человеческой деятельности. Логическая ее полнота выражена в науке логики. Вне понимания себя идея не может полагать бытие как истину. И здесь – проблема объективного самосознания человеческого бытия вообще.

В логике Гегеля идея представлена в ее чистой (обособленной в сознании) форме, то есть как чистая потенция бытия, в себе самой содержащая мотив осуществления себя в бытии. Мотив этот есть особая форма выражения противоречивости бытия и его отрицательного отношения к себе. Логика разворачивает этот мотив формой необходимого объективного развития самого бытия. И первый акт гегелевской идеи – погружение себя в природу. Не в язык. Язык еще должен будет возникнуть, и именно как универсальное средство удержания и идеального разворачивания понятия, когда оно «высвобождается» из природы. Этот процесс представлен в понятии распремечивания. Высвобождение духа из природы, как выражается Гегель, есть процесс, выходящий за форму высвобождения лишь тех определений, которые положены деятельностью. Тем самым этот процесс есть процесс объективного познания, осуществляемый деятельностью. Потому логика Гегеля и показывает движение идеи в формах бытия и сущности, и только снимая последние (бытие и сущность), идея (понятие) становится свободным и активно полагающим деятельностный процесс творения мира.

В гегелевском «идеализме» идеальное выражает собой систему всеобщих закономерностей бытия. В обособленной форме эти всеобщие закономерности первичны в отношении особенного содержания вещей. Потому легко их представить первичными не только логически, но и по бытию. И если бы у Гегеля было так, то вся его философия свелась бы к религиозно-мистическим представлениям. Такая оценка его философии весьма невнимательна к ее существу. Понятие, отражающее бытие (у Гегеля это выражено: снимающее бытие и сущность), содержит в единстве три момента, одинаково принадлежащие бытию и мышлению: всеобщее, особенное и единичное. И о первичности любого из этих определений бытия (и понятия) говорить просто нельзя. Диалектика этих трех моментов понятия, разумеется, различает их, раздвигает и даже обособляет. И в этой обособленности видит их противоположность и противоречие. Но она нигде не теряет их единства и тождества. И внутреннее движение этих определений понятия есть отражение движения самой действительности. Потому понятие не ищет способа своего «применения» – он дан в самом понятии.

Закон управляет движением вещей, скажет вам любая наука, бытие вещи зависит от ее закона, поэтому закон не только определяет вещь, но он и логически первичен по отношению к ней. Такое обособление и идеализация закона в науке осуществляется всегда и принимается ею как естественная форма. Поэтому сказать, что вещь подчиняется некоему закону, значит допускать мысль о первичности закона (всеобщей формы) по отношению к вещам и определения законом формы движения этих вещей. Чем не идеализм? Идеализм, молча признаваемый любой наукой, даже стоящей на позициях материализма. И нельзя сказать, что это неточность словесного выражения, потому как наука ищет именно законы, то есть всеобщие формы, определяющие бытие вещей. Ищет и расшифровывает их в их особенном содержании. Более того, к этому обстоятельству объективного отношения всеобщего к особенному она, наука, относится с позиции некой устойчивой формы мышления, присущей ей и ею же определяемой как ее метод.

Поэтому иногда и кажется, что у Гегеля бытие и не есть бытие, а всего лишь движение категорий мышления, что Гегель за бытие выдает категории, что существенны и необходимы только одни они, а бытие всецело определяется логической идеей. Право, стоит только всмотреться в начало логики Гегеля и отстраниться от ограниченных своим сознанием оценок его философии, так сразу разрушается этот устойчиво-примитивный взгляд на его философию. Ибо он исследует категории, законы движения бытия и их переход в форму понятия, то есть логика здесь анализируется не просто и не только со стороны ее ставших форм, а в движении всеобщей формы становления. Поэтому логика здесь разворачивается не как формальная схема движения мышления, присущая лишь субъекту, а как форма развития самой действительности, включая сюда и самого субъекта. Как логика перехода бытия в понятие и понятия в бытие.

Обосновать мышление бытием далеко недостаточно, необходимо бытие обосновать мышлением, чистой формой, формой идеальной. Как мышлением же обосновывается существование Бога, равного бытию духа в человеческой культуре. Бытие истинно только тогда, когда оно соответствует понятию, то есть сущности вещи. Возможность субъективизма здесь устраняется тем, что понятие обосновывается категориальным составом самого бытия, оно объективно определено, является истиной этого бытия (сущность есть истина бытия, а понятие – истина сущности), а не случайным определением субъекта. В гегелевской философии субъект противоположен миру лишь как его, мира, собственная всеобщая форма, обособившая в себе его необходимые всеобщие определения и логику их объективного движения.

Форма всеобщности в действительности и в мышлении совпадает. Поэтому Гегель представляет бытие как понятое бытие, то есть развернутое в его собственных всеобщих формах. Как истинный теоретик Гегель и движется в однородном логическом пространстве, здесь, в этом пространстве, он фиксирует противоположность бытия и мышления и, нигде не выходя за границы этого пространства, логически осуществляет взаимопереход этих противоположных определений одного и того же, а именно субстанциальной формы человеческой деятельности, – определений бытия и определений мышления. Движение от эмпирического к теоретическому есть не что иное, как теоретическое выражение того же самого, эмпирического, возведение его в логическую форму, понятие (понимание) его, выражение его сущности, закона движения, развития.

Источники – Primary Sources in Russian Translation

Гегель 1970^a – Гегель Г.В.Ф. Иенская реальная философия // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 1. М.: Мысль, 1970 [Hegel, Georg W.F., *Jenaer Realphilosophie. Vorlesungsmanuskripte zur Philosophie der Natur und des Geistes von 1805–1806* (Russian Translation)].

Гегель 1970^b – Гегель Г.В.Ф. Учение о бытии // Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 1. М.: Мысль, 1970 [Hegel, Georg W.F., *Die Lehre vom Sein* (Russian Translation)].

Гегель 1971^a – Гегель Г.В.Ф. Учение о сущности // Гегель Г.В.Ф. Наука логики, Т. 2. М.: Мысль, 1971 [Hegel, Georg W.F., *Die Lehre vom Wesen* (Russian Translation)].

Гегель 1971⁶ – Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 2. М.: Мысль, 1971 [Hegel, Georg W.F., *Philosophische Propädeutik* (Russian Translation)].

Гегель 1972 – Гегель Г.В.Ф. Учение о понятии // Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3. М.: Мысль, 1972 [Hegel, Georg W.F., *Die Lehre vom Begriff* (Russian Translation)].

Гегель 1975 – Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1975 [Hegel, Georg W.F., *Wissenschaft der Logik* (Russian Translation)].

Маркс 1974 – Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974 [Marx, Karl, *Thesen über Feuerbach* (Russian Translation)].

Сведения об авторе

ЛОБАСТОВ Геннадий Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) – МАИ; Президент Российского философского общества «Диалектика и культура».

Author's Information

LOBASTOV Gennady V. – DSc in Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow Aviation Institute (National Research University) – MAI; President of the Russian Philosophical Society “Dialectics and Culture”.